Генерал Армии Николай Ватутин

К Крайнюков

SHOUT
SHARE
IT

- Крайнюков К

Крайнюков К
Генерал Армии Николай Ватутин

К. КРАЙНЮКОВ

ГЕНЕРАЛ АРМИИ НИКОЛАЙ ВАТУТИН

В столице Советской Украины Киеве, над синим и привольным Днепром, высится величественный памятник генералу армии Н. Ф. Ватутину. Полководец, одетый в походную шинель, как бы наблюдает с днепровских круч за ходом сражения. Мне навсегда запомнился он таким, каким был в жизни: простым, скромным, трудолюбивым и самоотверженным человеком, который мало о себе заботился и себя не жалел.

В народе говорят, что глаза - зеркало души человеческой. У этого коренастого, плечистого генерала было простое, истинно русское лицо и живые, ясные глаза. Они всегда добро и приветливо смотрели на друзей, с участливым вниманием и сочувствием - на пришедших за помощью, строго и взыскательно, а подчас сурово - на людей нерадивых, с великой ненавистью и беспощадностью - на врагов нашей Родины.

Николай Федорович был серьезен, задумчив и молчалив, по-военному точен и скуп на слова. Он предпочитал им реальные дела. Я близко знал его недолго, всего шесть-семь месяцев. Но то было время трудное и напряженное, насыщенное большими боевыми событиями. А ведь ничто так не сближает людей, как пережитые вместе трудности и боевые испытания.

Вообще-то Николая Федоровича я знал еще до Великой Отечественной войны. Не раз встречал и слушал его выступления на совещаниях руководящего состава в 1939 году, когда он был начальником штаба Киевского особого военного округа. Многократно встречался и в Отечественную войну, весной 1943 года, перед Курской битвой, когда генерал Н. Ф. Ватутин командовал войсками Воронежского фронта. Но те встречи носили кратковременный характер. Когда же в октябре 1943 года меня назначили членом Военного совета Первого Украинского фронта (бывший Воронежский), мне довелось, можно сказать, каждодневно видеть, как живет, работает, дерзает, творит этот замечательный советский военачальник.

Вместе с командующим фронтом мы не раз выезжали в войска и в дороге коротали время в беседах. Хоть и не очень-то он был разговорчив, а все же иногда предавался воспоминаниям, лаконично и сдержанно рассказывал о своей жизни.

Николай Федорович Ватутин родился 16 декабря 1901 года в

селе Чепухино бывшей Воронежской губернии в семье крестьянина. У Федора Григорьевича и Веры Ефимовны Ватутиных, кроме Николая, было еще четыре сына и четыре дочери. Эта большая семья долгое время входила составной частью в еще большее семейство деда Григория, насчитывавшее в общей сложности около тридцати душ. О своем деде, отслужившем в старой русской армии восемнадцать солдатских лет, так же как и об отце, Николай Федорович всегда говорил с большим уважением и душевной теплотой.

После успешного окончания начальной сельской школы Николаю Ватутину была уготована судьба многих его сверстников - идти в подпаски, впрягаться в сельскохозяйственную работу. Однако сельский учитель принялся с жаром уговаривать деда Григория и родителей будущего полководца не препятствовать дальнейшему образованию способного ученика. Главным препятствием были, конечно, не родители, а семейная нужда. Энергичный учитель с невероятным трудом добился от земства небольшой стипендии и пристроил Николая Ватутина в коммерческое училище в городе Уразово.

Быстро пролетели четыре учебных года, после чего выплату стипендии прекратили. Николай вынужден был прервать ученье и вернуться в родное село.

Великий Октябрь, ознаменовавший коренной поворот в жизни народов России, преобразил и жизнь Ватутиных. Как и миллионы тружеников, они получили землю, свободу, стали хозяевами своей судьбы. Однако начавшаяся гражданская война принесла с собой суровые испытания. На родную землю надвигались германские дивизии кайзера, ее терзали украинские гайдамаки, деникинцы и прочая нечисть. Николаю Ватутину еще и девятнадцати не исполнилось, когда он вступил в ряды Красной Армии. В сентябре 1920 года принял боевое крещение, участвуя в боях с махновцами и показав себя смелым, находчивым бойцом...

Жизнь не баловала ни самого Николая Федоровича, ни его родных. Мне, уроженцу Нижнего Поволжья, хорошо известно, какое огромное бедствие принесла народу жестокая засуха 1921 года. Люди ели мякину, лебеду, желуди, перемалывали кору с деревьев и снимали прелую солому с крыш. Многие умирали от голода, истощения, тифа, холеры и других эпидемических болезней. Засуха, особенно сильно свирепствовавшая тогда в Поволжье, не обошла стороной и Воронежскую губернию, село Чепухино и семью Ватутиных. Об этом бедствии я узнал от самого Николая Федоровича при следующих обстоятельствах.

Однажды мы с ним отправились в войска первой линии, решив проверить организацию питания бойцов. И вот возле одной

из походных кухонь генерал Ватутин обратил внимание на разбросанные хлебные корки и объедки. Он сразу нахмурился, посуровел и, обратившись к сопровождавшему нас командиру, приказал собрать личный состав. Затем, когда его распоряжение было выполнено, командующий фронтом, генерал армии, сам в детстве познавший нелегкий крестьянский труд и нужду, напомнил бойцам о тех огромных усилиях, которые приходится прилагать, чтобы вырастить золотой колос. А потом нужно собрать урожай, обмолотить и помолоть зерно, выпечь добытый в поте лица хлеб наш насущный.

- Колхозный труженик не даст пропасть ни одной хлебной крошке, - говорил Николай Федорович. - Он все как есть подберет. А некоторые молодые солдаты еще не научились ценить и беречь хлеб - золото наше народное.

Он напомнил присутствующим о том, что в разоренных фашистами колхозах женщины и дети, заменившие ушедших на фронт мужчин, пахали на коровах, а подчас и сами впрягались в плуги, чтобы добыть драгоценный хлеб и накормить им прежде всего воинов на фронте. Напомнил о том, что в тылу страны жестко нормирована выдача продуктов, и сказал о том, что ленинградцы в дни блокады получали всего лишь четвертушку хлеба.

А потом вспомнил и о том, как в далеком 1921 году он вместе с товарищами по службе отчислял из своего курсантского пайка в фонд помощи голодающим.

- Хорошо памятен мне двадцать первый год, - "глухо произнес генерал армии Н. Ф. Ватутин. - Умерли тогда от голода мой младший брат Егор, мой отец и мой Дед. И все они мечтали хоть о крошечке хлеба...

Слова командующего произвели необычайное впечатление на бойцов. Думается, каждый запомнил их на всю жизнь. А для присутствовавших командиров, политработников, наших агитаторов и пропагандистов это был наглядный пример воспитания воинов в духе бережного, рачительного отношения к народному достоянию.

Из воспоминаний, услышанных мной от Николая Федоровича, из документов, хранящихся в его личном деле, в моем представлении сложилась биография командующего фронтом, столь характерная для многих наших военачальников, вышедших из народных масс, воспитанных партией и выдвинутых ею на высокие посты.

Осенью 1920 года командование направило Николая Федоровича Ватутина в Полтавскую пехотную школу. Курсанты напряженно учились и постоянно были начеку. Не раз их по

тревоге поднимали по ночам, и они отправлялись на подавление объявившихся поблизости вооруженных банд.

То было время, о котором пролетарский поэт Владимир Маяковский образно говорил: "с пулей встань, с винтовкой ложись". В такой вот обстановке и учились будущие красные командиры, всегда имея при себе винтовку, патроны и гранаты.

В 1921 году Николай Ватутин вступил в ряды РКП (б), навсегда связав свою жизнь с ленинской партией. Молодой коммунист энергично занимался общественной работой, изучал марксистско-ленинскую теорию, стремясь на деле быть активным бойцом партии. Полтавскую пехотную школу, когда там учился Н. Ф. Ватутин, посещал М. В. Фрунзе, внимательно следивший за системой обучения и воспитания будущих красных командиров. Он бывал в классах, на стрельбище и на полях тактических учений, выступал перед личным составом школы с докладами, не раз беседовал с курсантами о жизни, учебе и будущей командирской деятельности.

- В то время я был еще зеленым юнцом и не мог знать всех теоретических трудов Фрунзе, - вспоминал Николай Федорович, - но его выступления и беседы с курсантами запомнились. Михаил Васильевич убедительно и доходчиво разъяснял нам, как после победоносного окончания гражданской войны будет строиться государство рабочих и крестьян, подчеркивая, что для защиты молодой Советской республики и мирного социалистического строительства необходима сильная и могучая Красная Армия.

Курсанты горячо любили бесстрашного революционера-ленинца, видного деятеля партии, прославленного военачальника. Николай Федорович с гордостью вспоминал о том, что М. В. Фрунзе 1 октября 1922 года на историческом поле Полтавской битвы вручил ему и другим питомцам первого выпуска школы удостоверение красного командира. В приказе, прочтенном М. В. Фрунзе, красный командир Н. Ф. Ватутин назначался командиром взвода в Шестьдесят седьмой стрелковый полк Двадцать третьей стрелковой дивизии.

Напутствуя выпускников школы, Михаил Васильевич призывал каждого из них быть действительно красным командиром, интересоваться вопросами политического характера, так как дело воспитания Красной Армии и ее обучения трудно разделить на резко разграниченные области - политическую и военную. Пролетарский полководец требовал беречь революцию и быть на страже. Он учил молодых красных командиров быть не только мастерами вождения войск, но и мастерами воспитания людей, формирования их морально-боевых качеств и высокого духа войск.

Напутственные слова М. В. Фрунзе не прошли даром. Они дали хорошие плоды. Командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин, как я убедился, прекрасно сочетал в себе эти важнейшие качества. Чем ближе я узнавал Николая Федоровича, тем все больше раскрывался передо мной духовный мир этого скромного, работящего человека, которому высокий пост не вскружил головы, но поколебал его душевной простоты. Это был глубоко партийный, нравственно цельный и требовательный к себе военачальник. Он и на фронте находил время, порой урывая его от сна, для совершенствования военных и политических знаний и требовал того же от командармов и командиров всех степеней.

Как-то мы с генералом армии Н. Ф. Ватутиным собирались в длительную поездку по войскам. Николай Федорович положил в портфель рабочую тетрадь, необходимые документы, а затем раскрыл чемодан с походной библиотекой, где хранились книги Маркса, Энгельса, Ленина. В этом чемодане он разыскал и томик с произведениями М. В. Фрунзе.

- По многим фронтам прошла со мной эта книга, - произнес Николай Федорович. - Люблю читать Фрунзе, которого по праву называют выдающимся военным теоретиком и виднейшим строителем Красной Армии. Владея марксистско-ленинским методом, он четко, с исчерпывающей полнотой определил сущность советской военной доктрины. А как высоко он оценивал роль политработы и как образно, выпукло и ярко характеризовал деятельность политорганов в гражданской войне!

И Николай Федорович по памяти почти дословно привел известное высказывание М. В. Фрунзе о политических органах армии, которые вносили элементы порядка и дисциплины в ряды рождавшихся под гром пушечных выстрелов молодых красных полков и в часы неудач и поражений поддерживали мужество и бодрость бойцов, вливая новую энергию в их ряды. Политорганы налаживали тыл армии, насаждали там Советскую власть и создавали советский порядок, обеспечивая этим быстрое и успешное продвижение наших армий вперед.

- Так было в годы гражданской войны, - закончил свою мысль командующий фронтом, - когда в полках коммунистов насчитывалось, пожалуй, не больше, чем сейчас мы имеем в ротах и батареях. Теперь политорганы могут и должны работать еще лучше, ибо в войсках сосредоточена могучая партийная сила, способная творить чудеса.

Чем ближе узнавал я Ватутина, тем больше убеждался, что именно на партийную силу, способную творить чудеса, всегда опирался в своей полководческой деятельности он сам -

воспитанник партии и Советской власти, военачальник нового типа.

Без малого за четверть века Ватутин прошел по всем ступеням воинской службы от рядового бойца до командующего фронтом. Он последовательно командовал взводом, ротой, воспитывал младших командиров в учебном подразделении, являлся помощником начальника отдела штаба дивизии, затем работал в штабе Северо-Кавказского военного округа и, как опытный и способный офицер, был назначен начальником штаба горнострелковой дивизии.

Николай Федорович неутомимо совершенствовал свои знания, приобретал навыки, но вместе с тем ему последовательно и заботливо помогали. Он окончил Киевскую высшую объединенную военную школу, затем курсы усовершенствования, ему предоставили возможность учиться в Военной академии имени М. В. Фрунзе и, наконец, в Академии Генерального штаба. Обогащенный академическими знаниями и многолетним опытом строевой и штабной работы в войсках, Н. Ф. Ватутин вступил в должность заместителя, а в конце 1938 года и начальника штаба Киевского особого военного округа.

В аттестации того времени служебная деятельность и качества Н. Ф. Ватутина характеризовались весьма высоко: "Всесторонне развит, с большим кругозором, прекрасно работал по руководству отделами штаба, проявил большую оперативность и способность руководить войсковыми соединениями.

...В период освобождения единокровных братьев украинцев Западной Украины из-под ига польских панов, капиталистов как начальник штаба округа показал способность, выносливость и умение руководить крупной операцией".

Способный, растущий военачальник возглавил сначала Оперативное управление, а в 1940 году был выдвинут на должность первого заместителя начальника Генерального штаба РККА.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, бывший в то время начальником Генштаба, в своей книге "Воспоминания и размышления" отмечает, что генерал Н. Ф. Ватутин отличался исключительным трудолюбием и широтой стратегического мышления.

В последние предвоенные месяцы работникам высших штабов, в первую очередь Генерального штаба, нередко приходилось трудиться с колоссальной нагрузкой. Напряжение нарастало с каждым днем. В приграничных военных округах развернулись огромные по своим масштабам работы по оборудованию театров военных действий, созданию сети

аэродромов, возведению оборонительных сооружений и т, д. Весной 1941 года в армию было призвано из запаса около 800 тысяч военнообученных на учебные сборы, из внутренних округов в приграничные началось выдвижение нескольких армий.

В общем в Генеральном штабе и суток для работы не хватало. Однако и в этих условиях Н. Ф. Ватутина неизменно отличали выдержка и собранность, хладнокровие и оперативность, трезвый расчет и решительность - те самые качества, которые отличали его и в период суровых испытаний Великой Отечественной войны.

Из мемуаров Г. К. Жукова сейчас широко известно о том, чем был занят генерал-лейтенант Н. Ф. Ватунин в самый канун нападения вооруженных гитлеровских полчищ на нашу родную землю. "Вечером 21 июня, - пишет Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, - мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик - немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев. И. В. Сталин сказал:

- Приезжайте с наркомом в Кремль.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

- А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? - спросил он.

- Нет, - ответил С. К. Тимошенко. - Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

- Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей...

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома".

С этой директивой, предлагавшей привести в боевую готовность войсковые части и противовоздушную оборону страны, генерал Ватутин немедленно выехал в Генштаб. Передача ее в военные округа была закончена в 00 часов 30 минут 22 июня 1941 года, то есть совсем незадолго до первых залпов на границе,

знаменовавших начало вражеского нашествия.

А в ночь на 30 июня 1941 года - через неделю после начала Отечественной войны, - простившись с женой Татьяной Романовной, поцеловав сына Виктора и младшенькую дочурку Леночку, Николай Федорович Ватутин выехал с группой генералов на фронт.

***

В годы суровых военных испытаний наиболее полно и ярко раскрылся полководческий талант генерала Н. Ф. Ватутина.

- В академии мне приходилось сдавать немало серьезных экзаменов, но самый главный и трудный приходится держать на полях войны, - говорил Николай Федорович.

И этот суровый экзамен он выдержал с честью, заслужив высокие награды Родины - ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова 1-й степени, почетное звание Героя Советского Союза, всенародную любовь.

В годы Великой Отечественной войны генерал Н. Ф. Ватутин занимал ответственные посты начальника штаба Северо-Западного фронта, командующего войсками Воронежского, Юго-Западного и Первого Украинского фронтов.

В очень трудной обстановке пришлось ему руководить боевыми действиями наших войск в 1941 году, когда он прибыл в Псков, где находился штаб Северо-Западного фронта. Он провел огромную работу, налаживая твердое и устойчивое управление войсками. С перемещением штаба фронта в Новгород принял активное участие в его обороне, непосредственно возглавив действовавшую здесь оперативную группу наших войск.

Точно так же Николаю Федоровичу выпало на долю в качестве представителя Ставки выехать на Брянский фронт в начале июля 1942 года, когда немецко-фашистские войска начали свое летнее наступление к Дону и Волге. А вскоре он был назначен командующим вновь сформированного Воронежского фронта и сделал немало, чтобы остановить врага и организовать прочную оборону на этом участке фронта. В октябре того же года Ставка поручила ему новый ответственный пост - руководство Юго-Западным фронтом.

Испокон веков в военных академиях всех стран изучают как классический пример окружения и разгрома противника сражение при Каннах, имевшее место в 216 году до нашей эры. Но "Канны" повторить не удавалось ни Наполеону, ни другим видным полководцам прошлого.

А крестьянский сын, молодой советский генерал Николай Ватутин совместно с другими военачальниками дважды устраивал гитлеровцам сокрушительные "Канны". Один раз это

случилось под Сталинградом, где советские войска окружили 330-тысячную немецко-фашистскую армию, а другой раз под Корсунь-Шевченковским, где войска Второго и Первого Украинских фронтов взяли в кольцо крупную группировку врага, насчитывавшую десять дивизий и одну бригаду противника, а также отдельные вспомогательные части. В первом случае Николай Федорович возглавлял войска Юго-Западного фронта, во втором - командовал Первым Украинским фронтом.

Трудно даже перечислить все операции, в которых участвовал и которыми руководил молодой и талантливый генерал Н. Ф. Ватутин - человек необычайно скромный, меньше всего мечтавший о легендарной славе, честно и самоотверженно выполнявший свой воинский долг.

...И вот почти четверть века спустя я перелистываю пожелтевшие записи времен минувшей войны, поставив себе целью вспомнить о Ватутине, о его славных боевых делах самое-самое главное. Что же наиболее было присуще этому человеку, коммунисту, полководцу? - ставлю я перед собой вопрос. И из всего, что знаю о нем, что навсегда хранится в памяти, ответ может быть только один: огромное трудолюбие.

В свое время изобретатель Эдисон признавался, что его открытия и изобретения содержат 98 процентов "потения" и 2 процента вдохновения. Такое соотношение вряд ли в точности соответствует истине. Но ясно одно: успех куется трудом и только трудом. Это в не меньшей мере относится и к полководческой деятельности, требующей предельного напряжения умственных и физических сил.

Деятельность советских военачальников строго научна и опирается на точные законы, выработанные марксистско-ленинской теорией о войне и армии. В минувшей войне участвовали многотысячные армии, огромные массы боевой техники. Планирование операций в подобных условиях представляло собой невероятно сложный и трудоемкий процесс. И тем не менее в любой сложной обстановке генерал армии Н. Ф. Ватутин быстро находил правильные решения. Он мог это делать быстро и успешно потому, что текущим оперативным решениям предшествовала большая предварительная подготовка, непрестанная работа мысли, кропотливый повседневный труд. Генерал армии Н. Ф. Ватутин прекрасно понимал, что масштабы работы по планированию боевых операций под силу только большому коллективу штаба и начальников родов войск, и в своей повседневной работе опирался на них, на Военный совет фронта. Так в совместных поисках находились наилучшие решения, определялись наиболее верные пути к победе. Ватутин

был человек ищущий и дерзающий, умеющий направить и воодушевить подчиненных на большие дела. План операции он стремился раскрыть в динамике, в развитии, стараясь предугадать, как на практике может обернуться дело, прикидывал и оценивал многие варианты.

Николай Федорович со своим штабом неутомимо разрабатывал планы операций, входил в Ставку со своими предложениями. Как правило, они соответствовали обстановке и задачам, а потому внимательно рассматривались и уточнялись в Генштабе и затем утверждались Ставкой.

С мнением генерала армии Н. Ф. Ватутина, надо заметить, в Ставке и Генштабе считались, высоко ценили его опыт и талант. Он умел глубоко и ясно анализировать события войны, сложившуюся на фронте обстановку, обладал широким оперативно-стратегическим кругозором, всегда вдумчиво подходил к анализу фактов, стремился видеть сильные и слабые стороны противника и, конечно, хорошо знал свои войска. Но случалось и так, что Ставка отклоняла его предложения, хотя и очень редко, указывала на отдельные промахи. Генерал Н. Ф. Ватутин обладал хорошим качеством самокритично оценивать свою деятельность, извлекать полезные уроки на будущее.

Вспоминаю сложившуюся обстановку в двадцатых числах октября 1943 года. Перед Первым Украинским фронтом стояла ответственная и трудная задача разгромить противостоящую группировку противника и освободить от гитлеровских захватчиков многострадальную столицу Украины. Войска фронта располагали двумя захваченными плацдармами. Южнее Киева мы имели Букринский плацдарм, который образовался раньше и был покрупнее. Севернее украинской столицы находился его младший собрат - Лютежский плацдарм.

Все попытки войск фронта овладеть Киевом ударом с Букринского плацдарма результата не дали. Прорвать глубокоэшелонированную оборону врага и выйти на оперативный простор нашей ударной группировке так и не удалось. И пожалуй, не меньше, чем упорство сильного и коварного врага, продвижение наших войск, а особенно танков, сдерживала чрезвычайно пересеченная местность. Куда ни глянешь - кругом холмы, поросшие кустарником и лесом, крутые обрывы да глубокие овраги. Естественные препятствия были усилены инженерными заграждениями, минными полями, прикрыты огневыми средствами.

Командующий войсками фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин, обосновав на Букринском плацдарме вспомогательный пункт управления, лично руководил боевыми действиями войск.

Но и второе наше наступление не имело существенных успехов.

А перед нами находился славный древний Киев, измученный и истерзанный врагом. Мы хорошо видели его с левого берега Днепра. Наблюдали пожары. До нас доходили страшные вести о жестоких расправах фашистов над советскими людьми.

Н. Ф. Ватутин сильно переживал наши временные неуспехи. Мне, молодому члену Военного совета фронта, не все еще было ясно, Я знал лишь одно, что Н. Ф. Ватутин, находясь непосредственно на Букринском плацдарме, вникая во все детали боя, пришел к заключению, что искать выхода надо в другом месте. Превыше всего он ценил жизнь солдатскую и очень бережно относился к вверенным ему войскам. Он стремился побеждать врага с наименьшими потерями и требовал этого от командиров всех степеней.

Помню заседание Военного совета фронта, проходившее в двадцатых числах октября 1943 года. Н. Ф. Ватутин дал на этом заседании короткую, но глубокую оценку причинам неудач, которые диктовали необходимость отказаться от Букрина как главного плацдарма, а нанести удар по врагу с Лютежского плацдарма.

Такое же решение было принято Ставкой, приказавшей произвести перегруппировку войск Первого Украинского фронта и усилить правое крыло, чтобы создать на Лютежском плацдарме перевес в силах и средствах. Было предложено перевести с Букринского плацдарма на участок севернее Киева Третью гвардейскую танковую армию генерала П. С. Рыбалко, использовав ее здесь совместно с Первым гвардейским кавалерийским корпусом генерала В. К. Баранова.

В ночь на 25 октября 1943 года, когда была получена директива Ставки, в Военном совете, штабе и управлениях фронта никто не спал. В домик командующего приходили все новые и новые люди. Получив важные распоряжения от генерала армии Н. Ф. Ватутина, командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенант А. Д. Штевнев сел в машину и глубокой ночью помчался на Букринский плацдарм, в Третью гвардейскую танковую армию, которой предстояло совершить большой и трудный марш-маневр. В район днепровских переправ выехал и начальник инженерных войск фронта генерал Ю. В. Благославов.

Направляя руководящих работников штаба и политуправления в части и соединения, генерал армии Н. Ф. Ватутин напутствовал их:

- Если мы не сумеем скрытно и в срок перегруппировать войска, то успеха нам не видать. Пусть каждый командир и

политработник поймет, что от строгого сохранения военной тайны, соблюдения всех мер маскировки, от высокой дисциплины и организованности во многом зависит исход Киевской операции.

Командующий фронтом возложил ответственность за своевременную перегруппировку и сосредоточение войск на Лютежском плацдарме на своего заместителя генерал-полковника А. А. Гречко. На подготовку операции отводилось мало времени - каких-нибудь семь-восемь суток. Дорог был каждый день и каждый час. И уже в ночь на 26 октября 1943 года началась крупная перегруппировка войск фронта, проводившаяся в трудных метеорологических условиях, по раскисшим от дождей полевым дорогам. На Букринском плацдарме вместо убывших боевых машин расставлялись макеты танков, оборудовались ложные огневые позиции батарей и дивизионов. Радиостанции Третьей гвардейской танковой армии продолжали радиообмен, хотя ни войск, ни штабов этой армии там уже не было. Словом, делалось все, чтобы ввести противника в заблуждение.

Надо заметить, что в канун Киевской операции наш фронт почти не имел численного превосходства над противником. В том-то и состоит полководческое искусство, чтобы и при равных силах суметь использовать их наиболее целесообразно, чтобы разгромить врага. Генерал армии Н. Ф. Ватутин, как и другие наши военачальники, неизменно руководствовался марксистско-ленинским положением о том, что необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент. В результате перегруппировки войск и ослабления второстепенных участков командование и штаб Первого Украинского фронта, творчески выполняя директиву Ставки, создали на Лютежском плацдарме на направлении главного удара значительный перевес в силах и средствах.

И снова, как и всегда, во время подготовки Киевской наступательной операции генерал армии Н. Ф. Ватутин поражал нас всех огромной работоспособностью, трудолюбием, умением увлечь работой и других. Как-то, показав нам, членам Военного совета, карту, на которой графически был запечатлен оперативный замысел наступления на киевском направлении и отражены ближайшие и последующие задачи фронта, Николай Федорович сказал:

- А знаете, товарищи, я ведь зримо ощущаю все эти высотки, рощицы и населенные пункты, которые предстоит освобождать нашим войскам. В бытность начальником штаба Киевского особого военного округа мне довелось исколесить все эти места вдоль и поперек... При разработке операции знание местности очень помогало мне. Все, что возможно, старался учесть.

Генерал Н. Ф. Ватутин еще раз окинул взором карту и добавил в заключение:

- Прошу и вас, товарищи, поразмыслить над картой, критически рассмотреть проект плана. Надеюсь, вы еще кое-что подскажете мне, выскажете замечания, поправки, а мы потом все это обсудим и внесем коррективы.

Николай Федорович довольно часто обсуждал возникшие замыслы со своим заместителем генералом А. А. Гречко, с начальником штаба генералом С. П. Ивановым, членами Военного совета и командармами. Порой он откладывал свои наброски и изучал разработки оперативного отдела штаба, отбирая, развивая и углубляя предложенное кем-либо наилучшее решение. Генерал Н. Ф. Ватутин всегда внимательно выслушивал предложения подчиненных, и все ценное и полезное находило у него активную поддержку. Он умел ободрить и поощрить людей, организовать и направить их творческую мысль и практическую деятельность на решение поставленных перед войсками задач. Он никогда не дергал людей и в любой, даже сложной, обстановке отдавал распоряжения ровным голосом, вселяя в окружающих спокойствие и уверенность. Это создавало хорошую рабочую обстановку.

Будучи военачальником, обладавшим большим оперативным кругозором, генерал Ватутин являлся и хорошим организатором. Он постоянно заботился о том, чтобы оперативные планы материально обеспечивались и солдаты имели все необходимое для жизни и боя. По его предложению Военный совет заслушал 28 октября 1943 года информацию начальника тыла фронта генерал-лейтенанта интендантской службы В. Н. Власова о материально-техническом обеспечении предстоящей операции по освобождению столицы Украины. Трудностей было немало. Разрушенный гитлеровцами железнодорожный транспорт работал с большим напряжением, и его пропускная способность продолжала оставаться низкой. На днепровском рубеже железнодорожное сообщение полностью обрывалось. Накопление необходимого для операции количества боеприпасов проходило медленно. Например, запас горюче-смазочных материалов составлял 1,5 заправки, а непосредственно в войсках имелось в среднем 0,5 заправки на машину.

Кто-то из присутствующих невесело пошутил, вспомнив знаменитый эпизод из фильма "Чапаев". Когда легендарный начдив размышлял над картой, Петька с восхищением воскликнул: "Недоступный ты, Василий Иванович, для моего разума человек. Наполеон, прямо Наполеон". И тогда Чапаев ответил: "Наполеону-то легче было. Ни тебе пулеметов, ни тебе

аэропланов - благодать. Вот в дивизию недавно самолет прислали. Ведь одного бензина жрет - не напасешься!"

А у командующего фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина и Военного совета забот, конечно, было во много крат больше. Перед началом Киевской операции на Первом Украинском фронте насчитывалось 700 самолетов, 675 танков и самоходно-артиллерийских установок, несколько тысяч автомашин. Всем им требовалось горючее. Но ведь это не все. На каждое орудие и миномет надо было подготовить несколько боекомплектов снарядов и мин. А их, орудийных и минометных стволов, насчитывалось ни много ни мало около семи тысяч единиц.

Военный совет под председательством Н. Ф. Ватутина предусмотрел ряд действенных мер, позволяющих улучшить материально-техническое обеспечение войск. В частности, решено было привлечь гражданское население для разгрузки огромного количества вагонов, скопившихся на станции Бахмач, и для доставки некоторой части грузов гужевым транспортом. Прифронтовой тыл эффективно помогал действующей армии.

***

Скрытная перегруппировка огромной, массы войск в основном прошла успешно. Сыграли свою роль и меры оперативной маскировки. Вражеская авиация не раз бомбила на Букринском плацдарме дерево-земляные макеты, ложные артиллерийские позиции и ложные переправы.

Однако немецко-фашистское командование, разумеется, догадывалось о готовящемся советском наступлении и прекрасно понимало, что наши войска нацелены на Киев. А вот где и когда будет нанесен главный удар - этого противник не знал и пытался во что бы то ни стало разгадать наш оперативный замысел. Чувствуя неладное, он предпринял на ряде участков разведку боем. Немецкая авиация усилила разведывательные полеты. Вражеские лазутчики настойчиво пытались проникнуть за линию Днепра, на наше Левобережье.

...Командующий Первым Украинским фронтом с большой настороженностью взял в руки очередную разведсводки, вчитываясь в каждую строку. Придирчиво задавал вопросы начальнику разведывательного отдела штаба генерал-майору И. В. Виноградову. Узнав, что противник активизировал все виды разведки, Николай Федорович в раздумье проговорил:

- Манштейн сейчас рвет и мечет, требует точных данных о советских войсках, о сосредоточении наших ударных группировок. Это хитрый, умный, злобный и опасный враг. У гитлеровцев имеется еще немало боеспособных дивизий, в том числе и танковых. Сражение будет жестоким...

Присутствуя при этом разговоре, я попросил начальника разведотдела генерала И. В. Виноградова ознакомить меня с материалами о пресловутом Манштейне, командующем группой армий "Юг". Досье сразу же принесли. Я раскрыл папку и увидел фотографию холеного, надменного фельдмаршала с большими залысинами, с холодными глазами. Его мундир был украшен рыцарским крестом.

Читаю краткую его биографию: "Эрих фон Левинский, он же фон Манштейн. Родился 24 ноября 1887 года в Берлине в семье прусского офицера Эдуарда фон Левинского, ставшего затем генералом артиллерии. Двойную фамилию получил вследствие усыновления его генералом Георгом фон Манштейном. После прихода Гитлера к власти началась бурная карьера Эриха фон Манштейна, типичного представителя прусской офицерско-генеральской касты. В 1935 году Манштейн начальник оперативного управления Генштаба сухопутных сил; в 1936 году стал первым обер-квартирмейстером и одновременно первым помощником и заместителем начальника генштаба..." - стало быть, одним из тех, кто готовил чудовищные планы порабощения народов. За кампанию на Западе Манштейн награжден рыцарским крестом, за участие в вероломном нападении на Советский Союз Гитлер произвел его в генерал-фельдмаршалы.

Вот с каким матерым фашистским волком довелось вступить в единоборство молодому советскому военачальнику Николаю Ватутину.

- Старый "знакомый", - усмехнулся Николай Федорович, мельком взглянув на фотографию. - Еще в сорок первом пришлось столкнуться с ним под Ленинградом: тогда я был на Северо-Западном фронте. Наши основательно потрепали корпус Манштейна. Под Сталинградом ему пришлось еще более туго. А с событиями Курской битвы вы и сами знакомы по личным впечатлениям.

Летом сорок третьего года на южном фасе Курской дуги, на направлении главного удара танковых дивизий врага, как известно, держали оборону войска Воронежского фронта. В те знойные дни Николай Федорович объезжал войска, поднимался на самолете и с воздуха просматривал, как построены оборонительные рубежи и как они замаскированы. По солдатским траншеям он исходил не один десяток километров, присутствовал на многих учениях и, как мне рассказывали, сам вместе с молодыми солдатами был "обкатан" танками.

Командующий готовил войска к жестокому поединку с фашистскими "тиграми". Он делал все возможное, чтобы выбить у врага из рук инициативу, в какой-то мере парализовать его

действия, ослабить силу танкового удара. Лично допрашивая пленных, генерал армии Н, ф. Ватутин установил день и час начала немецкого наступления. После этого он принял ответственное решение об артиллерийской контрподготовке. И Ставка утвердила его. Командующий шел на большой риск. Ошибка могла оказаться непоправимой и чреватой тяжелыми последствиями. Если впустую расстрелять боеприпасы, доставленные многими десятками железнодорожных эшелонов, то в таком случае оказалось бы весьма трудно парировать само немецкое наступление. Однако риск в данном случае основывался на точных разведывательных данных, а значит, был оправдан.

Гитлеровскому фельдмаршалу Манштейну казалось, что все готово для внезапного и стремительного броска вперед. В ночь на 5 июля 1943 года пришел в движение передний край. Скрытно выдвигались и развертывались пехотные соединения. Танки занимали исходное для атаки положение. Немецкие саперы снимали минные заграждения, расчищая путь для стальной лавины.

И вдруг дремотную тишину расколол грохот советской артиллерии. Небо расчертили огненные трассы прославленных "катюш". Вздыбился, окутался дымом и пламенем передний край врага. Земля задрожала от разрывов сотен и тысяч снарядов и мин. А в рассветном небе гудели наши самолеты, бомбившие скопления немецких "тигров", пехоты, самолеты на аэродромах и переправы врага.

3 часа 30 минут. Для фашистских войск это был час намеченного наступления. Но ураган советской артиллерии продолжал бушевать. Вражеские солдаты не могли и головы поднять. Управление войсками противника на некоторое время оказалось дезорганизованным. Манштейн вынужден был на полтора-два часа задержать наступление.

А потом, как известно, было знаменитое Прохоровское танковое побоище, были тяжелые многодневные бои, и на заранее подготовленных оборонительных рубежах кровью истекли фашистские войска Манштейна. Все это мне, участнику Курской битвы, было хорошо известно и памятно до сих пор.

У наших полководцев, в том числе и у генерала армии Н. Ф. Ватутина, при разработке операций была своя, советская мера, учитывающая главные источники экономического и военного могущества СССР и прежде всего необоримость общественного и государственного строя, крепость тыла, народный характер войны. Вот этого и не могли никогда понять немецкие генералы.

Советские военачальники трезво оценивали сильные и слабые стороны противника, учитывали высокие морально-боевые

качества наших войск, народную сметку и находчивость бойцов и командиров.

Когда пехотинцы Тридцать восьмой армии форсировали Днепр севернее Киева и завязали бой за Лютежский плацдарм, командующий войсками Первого Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин приказал Пятому гвардейскому танковому корпусу немедленно прийти на помощь стрелковым частям, иначе не удержать захваченный за рекой "пятачок". А ведь нам требовалось не только удержать плацдарм, но и расширить его. Первые подразделения, высадившиеся на правом берегу Днепра, ждали боевой поддержки гвардейцев-танкистов.

- Но на пути к Днепру, - предупредил генерал армии Н.Ф. Ватутин командира танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко, - серьезным препятствием является Десна. Восемь-десять суток уйдет на постройку моста большой грузоподъемности. Время упустим и потеряем плацдарм. Надо постараться преодолеть Десну вброд.

Разведка показала, что глубина брода почти в два раза превышает норму, установленную для "тридцатьчетверок".

На помощь танкистам пришли местные старожилы, посоветовавшие переправляться в районе села Летки. Комсомольцы Семен Кривенко и Иван Горбунов несчетное число раз ныряли в воду в районе намечаемой переправы, промеряя дно, разведывая характер грунта. Танкисты обозначили маршрут вешками. Гвардейцы задраили люки боевых машин, проконопатили щели паклей, пропитанной солидолом, залили их смолой. Они удлинили выхлопные трубы промасленными брезентовыми рукавами, что обеспечило выход отработанных газов. Для доступа воздуха оставался открытым башенный люк, через который командир экипажа мог вести наблюдение и указывать маршрут механику-водителю, управляющему машиной вслепую.

И вот машины одна за другой двинулись по дну глубоководной Десны. Сейчас, как известно, имеются плавающие танки и бронетранспортеры. Теперь форсирование реки с ходу с технической точки зрения уже не представляет особого труда. Но во время Отечественной войны такой техники мы не имели, если не считать ограниченного числа легких автомобилей-амфибий. В данном же случае по дну Десны переправлялись обыкновенные многотонные средние танки Т-34.

Отважные и смекалистые гвардейцы совершили небывалое. Когда танк достигал середины реки, вода подступала к самому верху башни, брызги и волны порой перехлестывали через люк. Иногда вода пробивалась сквозь паклю, заливала людей. Проявив

мужество, выдержку и стойкость, участники переправы за восемь часов провели по дну реки на противоположный берег Десны более 70 боевых машин. Танкисты, не медля и часа, устремились к Днепру, на выручку советской пехоте. На Лютежском плацдарме наш танковый корпус появился гораздо раньше, чем это мог предположить противник. Положение на плацдарме упрочилось.

Великая всенародная Отечественная война, не подчиняющаяся "классическим" буржуазным канонам, таила для немецко-фашистских оккупантов бесчисленное множество неожиданностей. Это и партизанские налеты на гарнизоны гитлеровцев, и засады на дорогах, и пущенные под откос фашистские эшелоны...

В битве за Днепр и Киев еще ярче проявился народный характер Отечественной войны. Коммунистическая партия объединила все усилия советского народа и его воинов. В тылу врага активизировали свои действия отважные партизаны и герои большевистского подполья. Они наносили удары по коммуникациям противника и помогали советским войскам при форсировании Десны и Днепра. Военный совет фронта поддерживал самую тесную связь с начальником Украинского штаба партизанского движения Тимофеем Амвросиевичем Строкачем, в прошлом пограничником и опытнейшим чекистом. Боевые действия войск и партизанских соединений постоянно координировались.

При планировании боевых операций наши военачальники учитывали и партизанскую силу, и множество других особенностей народной войны. Главное же внимание они сосредоточивали на подготовке войск фронта.

На основе директивных указаний Ставки быстро и организованно была осуществлена крупная и невероятно сложная перегруппировка войск Первого Украинского фронта. Командиры и политработники сумели довести до сознания каждого значение маскировки, скрытного маневра, строгого хранения военной тайны, и это способствовало достижению стратегической внезапности.

Немецко-фашистскому командованию не сразу удалось узнать о характере нашей перегруппировки. Это подтверждает такой, например, факт. В то время как Третья гвардейская танковая армия уже полностью ушла из-под Букрина и сосредоточивалась под Лютежем, противник по-прежнему считал Букринский плацдарм наиболее опасным.

Все это обрадовало нас.

Первыми перешли в наступление части и соединения, располагавшиеся на Букринском плацдарме, то есть южнее Киева.

Противник, давно уже ожидавший наступления именно отсюда, принял эти атаки за главный удар. На этом и строился расчет. Когда враг окончательно утвердился в мысли, что на Букринском плацдарме действуют якобы основные силы, и стал нацеливать сюда свои резервы, началось мощное наступление нашей главной ударной группировки фронта, расположенной севернее Киева, на Лютежском плацдарме.

Еще накануне наступления командующий с оперативной группой штаба переместился в район села Ново-Петровцы на командно-наблюдательный пункт, расположенный недалеко от переднего края. Отсюда хорошо просматривалась местность на направлении главного удара. Именно отсюда он и руководил боевыми действиями вверенных войск.

3 ноября 1943 года началось сражение за освобождение столицы Украины. Войска Тридцать восьмой армии под командованием генерал-полковника К. С. Москаленко, действуя на главном направлении, прорвали сильно укрепленную оборону противника и с тяжелыми боями решительно продвигались вперед.

На КП фронта в Ново-Петровцы я прибыл из Шестидесятой армии И. Д. Черняховского на другой день после начала операции, 4 ноября 1943 года. Как раз в этот момент Николай Федорович давал указания командующему Третьей гвардейской танковой армией генералу П. С. Рыбалко:

- Настал твой час, Павел Семенович. Пора вводить в сражение и Третью гвардейскую танковую. Как ни крути, а "чистого" прорыва ожидать не приходится. Танкисты должны помочь пехоте "допрорывать" вражескую оборону, а затем вводить в прорыв и свои главные силы. Медлить нельзя.

Рыбалко что-то сказал Ватутину. Николай Федорович слегка улыбнулся и продолжил:

- Танковый кулак у тебя мощный. Громыхни им так, чтобы все тылы и коммуникации противника затрещала. Надеюсь на успех...

Здороваясь со мной, Николай Федорович пояснил:

- Третья гвардейская танковая вступает в сражение. Впрочем, ты и сам, видимо, догадался об этом из нашего разговора с генералом Рыбалко.

Второй день наступления отличался возросшим напряжением боев. Противник, не считаясь с потерями, лихорадочно закрывал бреши, маневрировал резервами, вводил в бой новые части и соединения. Как и предполагали, находившаяся в ближайшем резерве Седьмая немецкая танковая дивизия 4 ноября была брошена в контратаку и причинила нашим войскам немало хлопот. Особенным ожесточением отличались бои в районе дач

Пуща-Водица. Стойко дрались в полуокружении подразделения Двадцатой гвардейской танковой бригады, возглавляемой гвардии полковником С. Ф. Шустовым, и другие наши части.

Данные воздушной разведки свидетельствовали о том, что из районов Белой Церкви и Корсунь-Шевченковского на север, к Лютежскому плацдарму, двигались большие колонны немецко-фашистских войск. Надо было упредить врага.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин, неослабно державший в своих руках все нити управления войсками, был внешне спокоен, энергичен, находчив и тверд в решениях. Настойчиво и последовательно он наращивал удар на главном направлении, стремясь опередить противника, подтягивавшего стратегические резервы, и быстрее развить успех.

Если в первый день нашего наступления вместе с пехотинцами отличились артиллеристы, то во второй день главными героями стали танкисты. В сражении они были призваны склонить чашу весов на нашу сторону. Им предоставили решающее слово.

Перед вводом подвижных частей в прорыв 4 ноября командующий войсками фронта направил танковым военачальникам следующую телеграмму: "Успешное выполнение задачи зависит в первую очередь от стремительности, смелости и решительности ваших действий. Ваша цель - в самый кратчайший срок выполнить поставленные вам задачи, для чего, не боясь оторваться от пехоты, стремительно двигаться вперед, смело уничтожать отдельные очаги противника, навести панику среди его войск. Стремительно преследовать их, с тем чтобы к утру 5 ноября 1943 года нам занять Киев. Командирам всех степеней быть со своими частями и лично вести их для выполнения задачи".

Выполняя приказ командующего войсками Первого Украинского фронта, генерал П. С. Рыбалко ввел в сражение Третью гвардейскую танковую армию, 6 первом эшелоне наступали Девятый механизированный корпус и часть сил Шестого гвардейского танкового корпуса. Вслед за ними следовал Седьмой гвардейский танковый корпус.

Но это было лишь на первых порах. Когда нам удалось завершить прорыв тактической обороны противника и перед нашими войсками открылся оперативный простор, Седьмой гвардейский танковый корпус, возглавляемый генерал-майором танковых войск К. Ф. Сулейковым, обогнал боевые порядки наступавших стрелковых частей и танков, поддерживавших пехоту, и начал стремительно развивать наступление.

В середине дня 4 ноября Седьмой гвардейский танковый

корпус овладел населенным пунктом Берковец, а и 23 часам его передовые подразделения вышли к Святошино и к шоссе Киев - Житомир. Появление советских танков в тылу неприятеля, несомненно, оказало сильное психологическое воздействие на немецко-фашистские войска, оборонявшие Киев. Генерал П. С. Рыбалко доносил о том, что подразделения Седьмого гвардейского танкового корпуса дополнили внезапную ночную атаку световыми и шумовыми "эффектами". Танки, развернувшие в линию, двигались вперед, прорезая ночную темень ярким светом множества зажжейных фар, ослепляя метавшихся в панике гитлеровцев.

В течение всей ночи шел ожесточенный бой. К утру 5 ноября гвардейцы-танкисты окончательно перерезали шоссе Киев - Житомир, лишив противника важной коммуникации.

В районе Святошино, на подступах к основному городскому району Киева, проходил последний оборонительный рубеж врага. Оправившись от внезапного нашего натиска, гитлеровцы дрались с ожесточением. Но гвардейцы-танкисты во взаимодействии с подразделениями Пятидесятого стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор С. С. Мартиросян, разгромили в этом районе оборонявшихся гитлеровцев. Успешно действовала и Сто шестьдесят седьмая стрелковая дивизия, ворвавшаяся на западную окраину Киева, в район кинофабрики. В числе первых пробились к центру города, на Крещатик, экипажи Пятого гвардейского танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко.

К 4 часам утра 6 ноября 1943 года руководимые Ватутиным войска полностью овладели столицей Советской Украины Киевом - крупнейшим промышленным центром и важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на правом берегу Днепра. Освобождению города и спасению многих его древнейших исторических памятников во многом способствовал глубокий обходной маневр Третьей гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко и других подвижных соединений фронта. Они перерезали не только шоссе Киев - Житомир, но и другие дороги, ведущие на запад. Для киевской группировки врага создалась угроза полного окружения. Противник начал поспешно, а порой и в панике, отступать в юго-западном направлении.

6 ноября 1943 года в 5 часов утра Военный совет фронта направил в Ставку Верховного Главнокомандования телеграмму, в которой говорилось: "Город Киев полностью очищен от немецких оккупантов. Войска Первого Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи".

В то же утро мы с генералом армии Н. Ф. Ватутиным выехали в Киев. Николай Федорович много лет жил и работал в этом

городе. Он помнил столицу Украины во всей ее довоенной красе и теперь с душевной болью молча и мрачно глядел на пожарища и руины, на разрушенный Крещатик и обугливщиеся стены Дома обороны, на охваченный огнем университет. Наконец, нарушив молчание, гневно произнес:

- Что они, проклятые гитлеровцы, варвары двадцатого века, сделали с тобой, страдалец Киев! За одно только это злодейство они заслужили самой жестокой кары.

И, обернувшись ко мне, добавил:

- Пусть политуправление примет меры к тому, чтобы вся фронтовая печать, наши агитаторы рассказали бойцам о преступлениях фашистов в Киеве.

Гитлеровцы нанесли городу громадный ущерб. За два года своего хозяйничанья оккупанты разрушили 800 предприятий, 140 школ, 940 зданий государственных и общественных организаций, дворцов культуры и клубов. Перед своим отступлением фашистские варвары вознамерились взорвать, сжечь и уничтожить и все остальные здания, стереть с лица земли украинскую столицу. Но стремительное наступление советских войск разрушило этот подлый замысел. Город был спасен.

В первые часы освобождения Киева, когда только что туда вошли советские войска, город произвел на нас удручающее впечатление. Его улицы были безлюдны, так как фашисты угнали значительную часть населения. Преследуя врага и перерезая ему пути отхода, советские танкисты вызволили из фашистской неволи многих киевлян, и уже во второй половине дня жители начали возвращаться в родные дома. Но рано утром 6 ноября, когда мы с генералом Н. Ф. Ватутиным медленно проезжали по разрушенным улицам, город был почти пуст. Вот из развалин выбрался какой-то человек и робко махнул рукой. Машина остановилась. Изможденный, оборванный старик подошел к нам и горько заплакал. Сбивчиво и торопясь, он кратко поведал нам об ужасах немецкой оккупации. А потом спросил:

- А как же дальше будет, не вернется опять фашист?

Николай Федорович ответил:

- Не вернется, не пустим! Будем гнать дальше, пока гром военный не прогрохочет и над Берлином.

На площадях, где мы останавливались, вокруг машины командующего собирались местные жители и воины. Узнав, что войсками Первого Украинского фронта, освободившего столицу УССР, командует бывший начальник штаба Киевского особого военного округа генерал Н. Ф. Ватутин, люди оживлялись. Порой стихийно возникали короткие митинги. А Николай Федорович смущенно улыбался и жестами показывал на бойцов, как на

главных "виновников" торжества и творцов победы.

Киевляне выражали благодарность родной ленинской партии и героической Советской Армии за освобождение от фашистского ига, за спасение столицы Украины.

Слышались радостные возгласы и аплодисменты в адрес командующего фронтом.

Н. Ф. Ватутин был простым и душевным человеком, который никогда не выпячивал себя, никогда не бахвалился ратными делами и все одержанные победы относил к боевому коллективу, ко всем войскам фронта. Я не помню случая, чтобы когда-либо Николай Федорович сказал, что это сделал он. Яканья он терпеть не мог и никогда не любовался собой. Скромность облагораживала его и усиливала наши симпатии и уважение к этому замечательному военачальнику.

Вскоре после освобождения Киева ЦК КП(б)У и правительство республики устроили прием, где скромно, по-фронтовому чествовали героев, освободивших столицу Советской Украины. Выступали партийные и советские руководители республики, знатные люди Украины - рабочие, колхозники, ученые, деятели искусств. Провозглашались здравицы в честь ленинской партии и нашей любимой Родины, в честь доблестной Красной Армии и полной победы над фашизмом. Кто-то из присутствовавших, не жалея пышных слов, стал говорить о Ватутине, освободившем Киев. Николай Федорович рассердился не на шутку.

- К чему славословие и такие неуместные эпитеты? - с возмущением говорил мне об ораторе генерал Ватутин. - Зачем возвеличивать меня? Просто неловко слушать подобные речи. Разве я один брал Киев? Тысячи солдат его освобождали и кровь свою проливали.

Он поднялся и, прервав словоохотливого оратора, сказал:

- Мои заслуги более чем скромны. Хочу отметить главных героев Киевской битвы - рядовых наших бойцов, умелых и мужественных командиров и политработников, бесстрашных людей, воспитанных партией. Великий советский народ - труженик и герой - творит победу, творит историю. Честь ему и слава! Честь и слава партии родной!

***

Строптивый февраль, прошумев метелями, внезапно, за какие-нибудь сутки, растопил снега, расквасил дороги. Сырой, пронизывающий ветер шумел ветвями оголенных деревьев, сбивал с крыш капель, гудел в проводах. Автомобиль с надрывным стоном карабкался на ослизлые пригорки, перемешивал колесами топкую грязь в низинах и, выбравшись наконец на большак, бойко запрыгал по булыжной мостовой.

Генерал Н. Ф. Ватутин возвращался из района боев в штаб фронта. Различив в синих сумерках плотную, коренастую фигуру командующего, часовой встрепенулся, взял автомат "на караул". Николай Федорович поздоровался с солдатом, потер уставшие глаза и, с усилием открыв набухшую дверь, сказал мне:

- Заходи, Константин Васильевич, посидим... Сняв бекешу, он улыбнулся и добавил:

- Надо немножко заглянуть вперед, прикинуть, что дальше будем делать.

Обладая широким оперативно-стратегическим кругозором, Николай Федорович никогда не пренебрегал опытом и знаниями других. С планами и замыслами он непременно знакомил всех членов Военного совета, просил обдумать проект и высказать свою точку зрения. Мы, члены Военного совета, и другие работники фронта часто собирались в кабинете командующего и по-товарищески, вполне откровенно беседовали о ходе боевых действий и новых планах. Временами даже и горячо спорили. А в деловых, принципиальных спорах хорошо проверялась и оттачивалась мысль, рождалась истина, вырабатывалось правильное решение.

Но когда решение обретало форму директивы или приказа, командующий войсками фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин становился тверд и непреклонен и всю энергию и волю, все свои усилия употреблял на то, чтобы вырвать у врага победу и достичь конечного результата запланированной операции.

Время уже перевалило за полночь, а я, забыв про сок и усталость, жадно продолжал слушать командующего. На моих глазах совершалось таинство рождения оперативного замысла. Выход войск Тринадцатой и Шестидесятой армий на рубеж Луцк, Млинов, Изяслав открывал большие перспективы. Об этом говорил Николай Федорович. Я глядел то на карту, на которой командующий что-то примерял, то на вдохновенное лицо обычно одержанного в чувствах человека и зримо представлял себе наши войска, приближающиеся к государственной границе СССР.

...Я уже говорил, что Николай Федорович любил читать произведения М. В. Фрунзе. Вот и в эту нашу встречу он вновь уселся за рабочий стол, перелистывая книгу.

- Знаешь, Константин Васильевич, опять я перечитываю томик сочинений Фрунзе, - сказал он. - Всякий раз нахожу все новые и новые, полезные для себя советы. Михаил Васильевич Фрунзе - большой человек и крупный марксист. Как глубоко он мыслил и двигал военное дело! И как заботился, чтобы во главе наших войск стояли умные, образованные, хорошо знающие военное дело, политически и нравственно совершенные командные кадры.

Вот послушай, что он советует нашим командирам.

И Николай Федорович прочитал: "Только тот из вас, кто будет чувствовать постоянное недовольство самим собой, недовольство и неполноту своего научного багажа, вынесенного из стен академии, кто будет стремиться к расширению своего кругозора, к повышению своего теоретического и практического багажа, - только тот не отстанет в военном деле, будет идти вперед и, быть может, проведет за собой десятки и сотни других людей".

Переложив страничку тонкой бумажной закладкой, Николай Федорович закрыл книгу и продолжал:

- Как метко сказано: "Чувствовать постоянное недовольство самим собой, недовольство и неполноту своего научного багажа"! Надо постоянно напоминать это нашим командирам. Тогда и зазнайства меньше будет. А то иной командир выиграет бой, операцию и уже чванится, нос задирает, думает, что достиг вершин. А если по-настоящему потрясти такого, то на поверку выходит, что знания-то у пего непрочные, жиденькие.

Ватутин встал, прошелся по хате, потом продолжал:

- Скажи мне, Константин Васильевич, откуда у некоторых командиров берется проклятое зазнайство? Убежден, что это исходит не от большого ума, а от себялюбия и недостатка культуры. Зазнайство - это пережиток прошлого. Как оно нам вредит...

Разговор затянулся допоздна. Николай Федорович перебирал в памяти прошлое, много говорил о том, какие нам нужны знания, чтобы умело бить врага, что нынешняя война, даже отдельный бой и операция, требует новаторского подхода, широкого применения не только личного опыта, но и опыта всей армии.

Потом Николай Федорович, как бы спохватившись, сказал:

- Да, чуть не забыл прочитать тебе еще одну интересную выдержку из сочинений М. В. Фрунзе. Она имеет отношение ко всем командным кадрам, к политработникам особенно. "Сохранит ли в будущем политическая работа в армии то место, которое она имела в минувшей гражданской войне?" - Я отвечаю категорически, несомненно "да". Политические органы были, есть и будут одной из основных баз нашего военного строительства".

Высказывание М. В. Фрунзе о роли политработы в армии я хорошо знал. Но мне вдвойне было приятно, что на этих словах акцентировал мое внимание и командующий войсками фронта, высоко ценивший политработу. Генерал армии Н. Ф. Ватутин всегда учитывал замечательные морально-боевые качества советского воина. Оп знал, что когда волей к победе проникнуты все, от генералов до рядовых, то никакие преграды не сдержат

неукротимого порыва наших войск.

18 февраля 1944 года Военный совет Первого Украинского фронта получил директиву Ставки, обязывающую командующего подготовить наступательную операцию на проскуровско-черновицком направлении. Генерал армии Н. Ф. Ватутин с головой ушел в работу. Он трудился упоенно, не давая покоя ни себе, ни работникам штаба. Вздремнет, бывало, часа три-четыре, освежится принесенной из колодца холодной, с ледком, водой, взбодрит себя гимнастикой - и снова за дела.

За каких-нибудь пять дней и ночей генерал армии Н. Ф. Ватутин вместе со штабом разработал план новой наступательной операции. За такой короткий срок командующий вряд ли сумел бы выполнить эту сложную задачу, если бы у него, самоотверженного трудолюбца, не имелись предварительные наброски и разработки, подготовленные в результате многодневных размышлений и черновой кропотливой работы.

И вот члены Военного совета собрались у командующего. Николай Федорович поднялся из-за стола, обернулся к стене и решительно отдернул шторку, за которой висела оперативная карта фронта. - Итак, смотрите, что задумано...

Красные стрелы, изображенные на карте, дробили оборону противника, расчленяли его фронт сходящимися ударами. Наши танковые клещи охватывали немецко-фашистские дивизии, угрожая врагу окружением и уничтожением. В новом оперативном плане ярко была выражена идея сокрушительного разгрома крупной группировки немецко-фашистских войск.

Замысел операции Первого Украинского фронта заключался в том, чтобы ударами на ряде направлений раздробить оборону противника на части и уничтожить вражеские войска порознь.

Главный удар наносился силами трех общевойсковых армий, которыми командовали генералы А. А. Гречко, Н. П. Пухов и И. Д. Черняховский, и двух танковых армий генералов В. М. Баданова и П. С. Рыбалко с фронта Торговица, Шепетовка, Любар, в общем направлении на Тернополь, Чертков. Обеспечение ударной группировки слева возлагалось на армии под командованием генералов Е. П. Журавлева и К. С. Москаленко.

Ставка план утвердила. Командующий войсками Первого Украинского фронта и Военный совет сосредоточили все внимание на том, чтобы быстро и скрытно осуществить перегруппировку частей и соединений, хорошо и всесторонне подготовить наше весеннее наступление.

Рассказывая о стиле работы Н. Ф. Ватутина, мне хочется снова и снова подчеркнуть, что он трудился всегда с подъемом и напряжением. Это был необыкновенный трудолюбец. Даже когда

все дела переделаны, все донесения и сводки прочитаны, все приказы и распоряжения подписаны и все люди, пришедшие на прием, выслушаны, - он и тогда находил себе занятие.

А вот для досуга выкроить время не мог. Этого работящего, мало отдыхающего человека я как-то затащил на концерт украинского ансамбля песни и пляски, прошедшего с нашим фронтом большой боевой путь.

Девушки, одетые в яркие, красочные национальные костюмы, весело и задорно запели украинскую народную песню "Ой ходила дивчина бережком". И в такт песне, легко и плавно, словно не касаясь земли, проходит в танце артистка Вишневая, которую на фронте любовно называли Вишенкой.

На смену украинской песне пришла и русская. Тихо и грустно наигрывает баянист. Негромко и согласно слышатся голоса:

В чистом поле, поле под ракитой,
Где клубится в заревах туман,
Там лежит, ох там лежит убитый,
Там схоронен красный партизан.

Я вижу, как нахмурился, сдвинул брови Николай Федорович. Песня произвела на него большое впечатление... Концертом командующий остался доволен. Он хвалил артистов, благодарил и меня за то, что я взял над ним "культурное шефство". А когда выходили из сельского клуба, неожиданно сказал:

- Зайдем ко мне, Константин Васильевич. Пока я сидел на концерте, мне одна заманчивая мысль покоя не давала...

И я понял, что Николай Федорович продолжал думать даже тогда, когда казалось, что он наконец-то отдыхает. Жизнь талантливого полководца была замечательным подвигом творческой мысли и вдохновенного труда.

***

29 февраля 1944 года мы с Николаем Федоровичем Ватутиным выехали в штаб Тринадцатой армии, находившийся в то время в городе Ровно. Командующий войсками фронта решил ознакомить руководящий состав армии с планом предстоящей операции и уточнить задачу армии, проверить готовность войск к наступлению.

На совещании присутствовали командарм генерал-лейтенант Н. П. Пухов, член Военного совета армии генерал-майор М. А. Козлов, начальник штаба генерал-лейтенант Г. К. Маландин, командир Двадцать пятого танкового корпуса генерал-майор танковых войск Ф. Г. Аникушкин, командир Первого гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор В. К. Баранов и некоторые, другие командиры.

В своем выступлении перед руководящим составом армии

командующий войсками фронта познакомил собравшихся с общим замыслом предстоящих действий. Он подчеркнул, что мартовская наступательная операция преследует цель разгромить группировку немцев, в районе Кременец, Старо-Константинов, Тернополь и овладеть рубежом Коселин, Горохов, Радзехув, Красне, Золочен, Тернополь, Проскуров, Хмельник. В дальнейшем войска фронта наносят удар в общем направлении на Чертков с целью перерезать южной группе немецких войск пути отхода на запад в полосе севернее реки Днестр.

В заключение Николай Федорович дал последние устные указания командарму Н. П. Пухову и потребовал Дубно не атаковывать с фронта, а непременно обходить его с северо-запада и юго-востока. Он подчеркнул, что ,жизни солдатские надобно особенно заботливо сберегать и учиться побеждать врага с малыми-потерями. Поэтому не стоит идти на противника в лоб, нужно обходить его опорные пункты, используя слабо защищенные места.

- А когда оборона противника взломана, - продолжал генерал армии Н. Ф. Ватутин, - то уж времени не теряй и наращивай силы, расширяй брешь и как можно быстрее вводи в прорыв танки - главную ударную силу наших войск.

Командующий фронтом особо предупредил, что танки надо применять умело, с учетом местности, не посылать через леса, по топям и болотам. Он напомнил, что, кроме двух танковых корпусов, Тринадцатой армии приданы и два кавалерийских корпуса. А в лесной местности конница может легче маневрировать, нежели танки. Кавалерия хорошо подкрепит нашу главную ударную силу, по для этого нужны согласованность, четкое взаимодействие.

Вопросам взаимодействия, связи и управления войсками командующий фронтом уделял особо пристальное внимание. Он лично проверил, как в Тринадцатой армии налажено взаимодействие между наземными войсками и авиацией, между пехотой, артиллерией и танками.

- Тринадцатой армии надлежит не только нанести удар в направлении на Броды, - отметил в заключение генерал Н. Ф. Ватутин, - но и надежно прикрыть фланг фронта, обеспечить справа нашу главную ударную группировку. Помните о своей особой ответственности, будьте начеку, в боевой готовности. Желаю вам боевых успехов!

...Совещание закончено. Карты свернуты, оперативные документы уложены в портфель. Завязался непринужденный разговор о служебных и житейских делах, о поступившем в войска пополнении.

- Прежде чем стать кадровым военным, вы, говорят, были учителем? - спросил Николай Федорович генерала Н. П. Пухова.

- Так точно, - ответил Николай Павлович. - Впрочем, я и сейчас не оставляю любимого дела. Командир, независимо от его ранга, есть воспитатель бойцов.

- Совершенно верно, - соглашаюсь я. - Но вам, Николай Павлович, также известно, что воспитание людей - дело сложное, а у нас в войсках сейчас много молодых офицеров, прошедших в училищах и на курсах ускоренную подготовку. Опыта у них маловато, и надо бы им помочь.

Мы с Ватутиным порекомендовали генералу Н. П. Пухову поделиться на страницах фронтовой газеты своим богатым опытом, высказать полезные советы и предложения по вопросам воинского воспитания.

- Что же, если выкроится свободное время, я это сделаю, - в раздумье проговорил Николай Павлович и, погладив ладонью бритую бугристую голову, с , усмешкой спросил:

- А будет ли оно, свободное время?

- Как хочешь, но дал слово - держись, - заметил на это Н. Ф. Ватутин.

Генерал Н. П. Пухов сдержал свое слово. Он написал очень интересную и содержательную, богатую фактическим материалом и яркими, очень полезными мыслями статью "О воинском воспитании молодых офицеров". Она с продолжением печаталась примерно в десяти номерах фронтовой газеты "За честь Родины". Ее сокращенный вариант был опубликован в журнале "Военный вестник". Статья видного военачальника, умудренного богатейшим опытом воспитания людей, оказала помощь командным кадрам.

Из Ровно мы уезжали, находясь под впечатлением встречи с генералом Н. П. Пуховым и его ближайшими помощниками. Настроение у командующего войсками фронта было превосходное. Все шло по намеченному плану. Николай Федорович оживленно беседовал и в пути задавал вопросы то мне, то помощнику начальника оперативного отдела штаба фронта майору Белошицкому.

- Армии, возглавляемой генералом Пуховым, даже под тринадцатым номером везет, - шутливо говорил Николай Федорович. - В Киевской операции она дальше всех продвинулась на запад. Затем, не имея численного превосходства, овладела Ровно и Луцком и прорвалась к Дубпо. Видно, кроме "везения", у руководящего состава армии есть еще и умение. Пухов - опытный генерал, настоящая военная косточка. Еще в первую мировую войну в прапорщиках ходил. Хорошую боевую закалку он получил

в годы гражданской войны, а в мирное время много занимался и работал в военно-учебных заведениях Краской Армии.

Немного помолчав, Н. Ф. Ватутин продолжил свою мысль:

- Пухов - военачальник мыслящий, дерзающий. Он умеет передать свои знания подчиненным, а вместе с тем слушает, берет от них разумное. Недаром говорят, что уметь слушать подчиненного и впитывать в себя все ценное, полезное - это тоже талант.

Мы с командующим пришли к единому мнению, что в Тринадцатой армии Военный совет подобран удачно: люди деловые, инициативные, энергичные.

Генерал Н. П. Пухов блестяще знал свою армию и бессменно командовал ею с 25 января 1942 года. Во главе штаба Тринадцатой армии стоял образованный и талантливый генерал Г. К. Маландин, имевший за плечами опыт работы в Генеральном штабе. Ветераном армии по праву считался член Военного совета генерал М. А. Козлов, опытный кадровый политработник. В сорок первом году он занимал некоторое время пост начальника политуправления вновь образованного Центрального фронта, затем был назначен членом Военного совета Тринадцатой армии и почти всю войну бессменно находился на этой ответственной должности. Все эти руководящие работники были знатоками своего дела, дополняли один другого и трудились слаженно, дружно, сплоченно, добиваясь общего успеха.

Делясь впечатлениями о людях армии и коротая время в разговорах, мы ехали по Ровенскому шоссе, направляясь в Славуту, в штаб Шестидесятой армии, к И. Д. Черняховскому. Заметив проселочную дорогу, ответвляющуюся от большака, генерал армии Н. Ф. Ватутин дал водителю знак остановиться.

- А зачем нам, собственно, делать крюк по шоссе? - спросил Николай Федорович. - Эта дорога тоже ведет в Славуту. Здесь всего каких-нибудь двадцать пять километров. Черняховский, наверное, - заждался нас. Давайте свернем напрямик и не будем делать объезд через Новоград-Волынский.

И мы свернули на проселок.

Дорога петляла по лощинам и буеракам, мимо маленьких рощиц. Проехали одно село, другое. И нигде ни души. Словно все вымерло.

Неожиданно рядом послышалась стрельба. Машина с охраной, въехавшая было на окраину села Милятин, начала быстро пятиться. Порученец командующего полковник Семиков взволнованно выкрикнул:

- Там бандеровская засада! Бандиты обстреляли машину и теперь наступают на нас.

- Все к бою! - выйдя из машины, скомандовал Ватутин и первым лег в солдатскую цепь.

Из-за строений показались бандиты, рассыпавшиеся по заснеженному полю. Их было немало, а наша охрана состояла лишь из десяти автоматчиков.

Обстрел все более усиливался. Факелом вспыхнула легковая машина командующего, подожженная зажигательными пулями. Затем запылал и другой автомобиль.

Бандеровцы приближались. Наши автоматчики, занявшие позицию в глубоком придорожном кювете, открыли огонь. Заговорил и пулемет. Длинную очередь прострочил по врагу находившийся возле нас рядовой Михаил Хабибучин. Организованный отпор охладил пыл бандитов. Они залегли и в атаку поднимались уже менее уверенно.

Я посоветовал Николаю Федоровичу взять портфель с оперативными документами и под прикрытием огня автоматчиков выйти из боя. Он наотрез отказался, заявив, что командующему не к лицу оставлять бойцов на произвол судьбы. А портфель приказал вынести офицеру штаба, дав ему в сопровождение одного автоматчика. Когда офицер замялся в нерешительности, Николай Федорович сурово прикрикнул:

- Выполняйте приказ! И офицер с автоматчиком поползли. Положение усложнялось. На фоне закатного неба было отчетливо видно, как перебежками подбираются бандиты, намереваясь охватить нас с двух сторон.

Бой продолжался. Во время перестрелки генерал армии Н. Ф. Ватутин был тяжело ранен. То, что не удавалось совершить гитлеровцам, сделали их подлые наймиты - бандеровцы-националисты, нанесшие предательский злобный удар.

Мы бросились к раненому командующему и положили его в единственную уцелевшую машину. Под обстрелом врага открытый "газик" проехал немного и остановился. То ли мотор был прострелен, то ли испортилось что-то. Выяснять было некогда, и мы понесли Николая Федоровича на руках, спеша доставить его в укрытие. А охрана продолжала вести бой.

Нежданно-негаданно навстречу показались сани с парой лошадей. Возница пытался было уйти от нас, так как его напугала перестрелка. Но мы его все же остановили и положили в сани командующего. Перевязав наскоро кровоточащую рану, мы тронулись в путь по направлению к Ровенскому шоссе.

Притомившиеся кони не спеша тащились по проселочной дороге, подбрасывая сани на бесчисленных ухабах.

Николай Федорович, крепившийся до последней возможности, морщился от жгучей боли. Пола его простреленной

бекеши намокла от крови. Генерал ослабел, у него появился болезненный озноб.

Наконец мы выбрались на Ровенское шоссе, усеянное синими мерцающими огоньками. Сумерки уже сгустились, и переброска войск по дорогам усилилась. В одной из хат, прилепившихся возле шоссе, мы нашли военного врача. Он оказал Николаю Федоровичу медицинскую помощь. После этого снова двинулись в путь и вскоре встретили машины с пехотой, высланные нам на выручку командующим Тринадцатой армии генералом Н. П. Пуховым. О чрезвычайном происшествии ему, оказывается, доложил офицер штаба, выносивший портфель с документами. Колонну замыкала санитарная машина. На ней Николай Федорович был доставлен в Ровно, где ему тотчас сделали первую операцию.

Таковы обстоятельства ранения и эвакуации с поля боя командующего войсками Первого Украинского фронта генерала армии Н. Ф. Ватутина. К сожалению, некоторые литераторы и мемуаристы, пользуясь непроверенными слухами, не совсем верно описывают эту историю.

Доставив раненого командующего фронтом в военный госпиталь в Ровно и проконсультировавшись с врачами, я доложил о происшествии по ВЧ Верховному Главнокомандующему, сообщил о состоянии здоровья Н. Ф. Ватутина и о том, что оперативные документы не попали к врагу. Сталин более или менее спокойно пожурил нас и с укоризной сказал:

- В вашем распоряжении имеется такая огромная масса войск, а вы не взяли даже падежной охраны. Так не годится!

Вслед за устным докладом по ВЧ я направил Верховному Главнокомандующему из штаба Тринадцатой армии следующее письменное донесение:

"Тов. Сталину

Докладываю о происшествии с генералом армии Ватутиным. 29 февраля 1944 года, возвращаясь из штаба Тринадцатой армии вместе с тов. Ватутиным в составе четырех машин и личной охраны в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде в северную окраину д. Милятин, что 18 км южнее Гоща, подверглись нападению бандитов...

При перестрелке тов. Ватутин был ранен. Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты.

Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости. По предварительному заключению хирурга Тринадцатой армии ранение относится к категории тяжелых, требующих лечения минимум два месяца. К оказанию мед,

помощи привлечены все лучшие силы. На 3.00 1.3.44 года состояние здоровья тов. Ватутина удовлетворительное.

Находится в Пятьсот шестом армейском госпитале в Ровно. Врачи настаивают в течение суток не трогать, а 2.3 обязательно эвакуировать самолетом "Дуглас" в Москву.

Член Военного совета Первого Украинского фронта

Генерал-майор Крайнюков.

Нр. 1568. 1.3.44 года".

Утром, без особой, правда, охоты, врачи разрешили мне на несколько минут навестить раненого командующего. Услышав шаги, Николай Федорович открыл глаза, спросил:

- Все целы? Как документы?

Я поспешил успокоить его. Портфель с документами сохранен. В лапы к бандитам никто не попал.

- Что же, бойцы охраны сделали все, что могли, - прерывисто дыша, произнес генерал армии Н. Ф. Ватутин. - Они держались мужественно и достойно. Скажите бойцам, что командующий благодарит их. Прошу отличившихся представить к награде.

Помолчав с минуту, Николай Федорович тихо сказал:

- Да-а, неприятная приключилась история. Обидно. Ведь я хорошо знал поганую натуру бандитов. Помню, когда еще был красноармейцем, гонялся за шайками Махно и Беленького. У бандеровцев та же подлая тактика: внезапные налеты на малочисленные группы, змеиные укусы, засады, нападение из-за угла.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин был эвакуирован в Киев, ибо город Ровно в те дни часто подвергался налетам вражеской авиации. Для его лечения в столицу Советской Украины были командированы из Москвы опытнейшие специалисты.

Вспоминается моя беседа с Н. Ф. Ватутиным в санитарном поезде, направлявшемся в Киев. Николай Федорович встретил меня обрадованно и спросил:

- Ну как думаешь, Константин Васильевич, разрешат мне после лечения вернуться на фронт? - И, не дождавшись ответа, уверенно заявил:

- Разрешат! Недельки три поскучаю на госпитальной койке, а там на фронт приеду. На костылях, а доберусь! И снова за работу. Эх, да что там нога! Голова еще пока цела и способна мыслить, решать оперативные задачи.

Я уверял генерала армии Н. Ф. Ватутина и был в этом искренне убежден, что он непременно поправится и вернется в боевой строй.

- А жить-то, Константин Васильевич, оказывается, хочется, - грустно покачав головой, признался Николай Федорович. -

Конечно, если надо, то я, не колеблясь, отдам свою жизнь без остатка за дело партии. Но невероятно хочется снова вернуться в кипение боя и своими глазами увидеть нашу великую победу.

Вскоре после происшествия с Ватутиным мы получили приказ Ставки Верховного Главнокомандования, датированный 9 марта 1944 года. В нем было сказано:

"При всех выездах командующих фронтами и армиями, лиц высшего командного состава, а также при перевозке важных оперативных документов выделять для сопровождения указанных лиц надежную личную охрану".

В Военный совет и штаб фронта из столицы Советской Украины приходили утешительные вести. Мы ежедневно получали из Киевского военного округа по телеграфу бюллетени о состоянии здоровья тов. Николаева (так кодировалась фамилия Н. Ф. Ватутина).

Здоровье генерала армии Н. Ф. Ватутина начало идти на поправку. Николай Федорович, как сообщали нам, интересовался обстановкой на фронте и искренне радовался боевым успехам перешедших в наступление войск Первого Украинского фронта.

Однако через 33 дня после ранения Николая Федоровича в бюллетене о состоянии здоровья, подписанном видными деятелями медицины тт. Шамовым, Вовси, Гуревичем, Ищенко и Василенко, появились тревожные потки, хотя первые строки документа и не предвещали ничего опасного: "В течение ночи температура больного была нормальная. Больной удовлетворительно спал. Утром больной довольно активен, хорошо покушал. Пульс 104. Температура к 12 часам поднялась до 39,3 без озноба.

Пульс 120".

Несмотря на энергичное лечение, направленное на борьбу с инфекцией, состояние больного продолжало оставаться тяжелым и температура не спадала, колеблясь от 38,2 до 40,2. От заместителя главного хирурга Красной Армии генерал-майора медицинской службы Шамова пришло сообщение о том, что на консилиуме с академиком Бурденко признано необходимым для спасения жизни больного произвести срочную ампутацию ноги.

5 апреля 1944 года Военный совет получил сообщение:

"В 14.00 была произведена высокая ампутация бедра. Операцию больной перенес удовлетворительно. К концу дня больной постепенно выходит из состояния послеоперационного шока. Пульс колеблется в пределах 120 - 140, наполнение его улучшилось, синюхи нет, температура 37,6, появился аппетит, и больной поел".

Мы вздохнули облегченно, надеясь, что после операции дело

пойдет на поправку. Тем более что температура снизилась и у больного появился аппетит. Однако в последующих бюллетенях, подписанных Бурденко, Стороженко, Шамовым, Бакулевым, Семека, Вовси и другими, отмечалось, что состояние больного остается серьезным. Исследование ампутированной конечности показало распространенный гнойный процесс в костном мозгу, что, несомненно, обусловило тяжелую картину развития инфекции в глубине. Операция, видимо, не смогла пресечь губительного процесса. Никакими стараниями известнейших врачей и ученых не удалось спасти жизнь Николая Федоровича. В ночь на 15 апреля 1944 года генерал армии Н. Ф. Ватутин скончался. Было ему тогда сорок два с небольшим года - пора расцвета его дарования и полководческой зрелости.

"В лице товарища Ватутина государство потеряло одного из талантливых молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны", - говорилось в сообщении ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР и Наркомата обороны СССР.

Военный совет поручил мне возглавить делегацию от бойцов и офицеров Первого Украинского фронта. Возложив венок, мы в течение двух дней несли почетный караул у гроба генерала армии Н. Ф. Ватутина, установленного в Киевском дворце пионеров.

Тяжко было смотреть на убитую горем жену генерала Татьяну Романовну и осиротевших детей, на престарелую мать полководца Веру Ефимовну Ватутину.

Вера Ефимовна Ватутина, эта скромная и трудолюбивая женщина земли русской, в феврале 1944 года получила известие о том, что скончался от тяжелых ран, полученных в бою, ее сын красноармеец Афанасий Ватутин. Через месяц новая скорбная весть: погиб ее младший сын Федор. А в апреле она, выплакавшая глаза но двум сыновьям, пришла к гробу третьего своего сына, гордости семьи и всей страны, генерала армии Николая Ватутина. И все они, братья-патриоты, полководец и солдаты, паля в жарком бою, на переднем крае борьбы за честь и свободу Отчизны.

Нескончаемым потоком с утра и до вечера шли трудящиеся столицы Украины, отдавая последний долг выдающемуся военачальнику, самоотверженно сражавшемуся за родную советскую землю, за освобождение Киева и других городов и сел республики. Почтить светлую память прославленного полководца прибыли представители других фронтов и войсковых объединений. Приехал генерал М. В. Рудаков, служивший с Николаем Федоровичем, а также другие боевые соратники. Траурную вахту вместе с воинами Советской Армии несли прославленные партизаны С. А. Ковпак, А. Ф. Федоров, А. Н.

Сабуров и многие ветераны.

17 апреля 1944 года при огромном стечении людей столица Советской Украины провожала в последний путь генерала армии Н. Ф. Ватутина. На траурном митинге, который открыл З. Т. Сердюк, с речами выступили представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник Ф. И. Голиков, академик Н, Н. Гришко, поэт Микола Бажан, председатель Киевского областного Совета депутатов трудящихся С. И. Олейник. От имени воинов Первого Украинского фронта довелось выступить мне и перед свежей могилой друга, товарища, генерала армии дать слово, что наши войска будут беспощадно громить немецко-фашистских захватчиков, добывая полную и великую победу над ненавистным врагом.

В час погребения генерала армии Н. Ф. Ватутина, когда войска склонили боевые знамена перед гробом выдающегося военачальника, радио донесло до украинской столицы раскаты прощального траурного салюта Москвы, отдавшей от имени Родины последнюю воинскую почесть полководцу, коммунисту, герою.

В канун 20-летия великой победы советского народа над фашистской Германией Президиум Верховного Совета СССР присвоил посмертно звание Героя Советского Союза генералу армии Н. Ф. Ватутину. Все советские люди и особенно воины-фронтовики, знавшие Николая Федоровича, встретили эту весть с большим удовлетворением и одобрением. Да, в нашей Советской стране никто не забыт, ничто не забыто! Высшей воинской наградой партия и правительство отметили ратный подвиг военачальника, отдавшего свою жизнь за свободу и счастье Отечества.

...В Киеве, над привольным Днепром, возвышается монумент генералу армии Н. Ф. Ватутину. Отсюда, с кургана, хорошо видны пути-дороги, по которым талантливый военачальник вел советские войска в победное наступление.